

16. Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за январь — декабрь 2021 г. / Информационный центр МВД Республики Беларусь. — Мн., 2026.

17. В МВД рассказали об основных видах киберпреступлений, совершаемых в стране. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/november/79505/> (дата обращения: 15.03.2026).

18. Правосудие в Республике Беларусь: Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 15.03.2026).

19. О кибербезопасности: Указ Президента Республики Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ЦИФРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

М.А. Андреасян

Проблематика искусственного интеллекта (далее — ИИ) в современном цифровом мире весьма актуальна. Потребовалось всего полвека для того, чтобы искусственные машины успели перерасти из простой антиутопической концепции в реальную систему, способную имитировать мышление, речь и поведение *Homo sapiens* — единственного вида на Земле, обладающего разумом. В то же время цифровая цивилизация поставила перед человечеством животрепещущий вопрос: не пожалеет ли оно о том, что вознаменилось примерить на себя роль «Творца», детище которого может со временем «вытеснить» своего хозяина и занять главенствующее место на планете? С одной стороны, процесс внедрения ИИ во многом упростил жизнь социума, а с другой — поставил перед государством и обществом задачу решения проблемы необходимости правовой регламентации деятельности «умных машин» и противодействия угрозам, возникающим при их эксплуатации.

Социальная философия затрагивает ряд аспектов, связанных с проникновением ИИ в общественные системы и подсистемы: рост безработицы, предвзятое отношение к человеку, свобода воли и ответственность, угроза информационной и национальной безопасности, социальные последствия использования ИИ в преступной среде. Немаловажную роль в решении данных вопросов играет цифровая криминология как отдельная область знаний, в задачу которой входит принятие конкретных мер по предупреждению потенциальных криминогенных рисков, исходящих от функционирования ИИ, а также поиск путей его использования в правоохранительной системе.

Целью настоящего исследования является философско-правовое осмысление термина «искусственный интеллект» и определение специфики его применения преступным миром, раскрытие положительных и отрицательных криминологических характеристик ИИ, а также классификация

криминогенных рисков при его эксплуатации. Работа ориентирована на социально-философскую и криминологическую оценку роли ИИ в предупреждении преступности и разработку конкретных мер по его совершенствованию на территории Республики Беларусь.

Проблема связи ИИ с преступностью в цифровом мире осмысливалась с применением диалектического, системно-структурного, сравнительно-правового, техно-социального подходов и на основе анализа научных трудов, созданных ведущими зарубежными и отечественными исследователями в рассматриваемой области.

Научное сообщество разделяет мнение касательно того, что ИИ в ближайшем будущем полностью преобразует современный мир, о чем уже свидетельствуют многочисленные данные. По результатам международных исследований, в 2030-м году в связи с активным использованием ИИ глобальный ВВП может вырасти на 14%, или на 15,7 трлн дол. США. 72% крупнейших корпораций мира считают ИИ фундаментом будущего [1, с. 768]. По прогнозам Ника Бострома, через 60 лет ИИ станет серьезной угрозой для человечества. К 2040-му году сходство процессов мышления робота и человека будет равняться 50%, а в 2075-м году оно достигнет 95%, став практически неотличимым [1, с. 771].

Что же представляет собой данная технология? Зарубежные ученые определяют ИИ как «способность аппаратного средства (либо компьютерной программы) имитировать интеллектуальное поведение человека от распознавания образов до творчества» [2, с. 201]. Нам показалась наиболее приемлемой следующая трактовка ИИ: «системы, разработанные людьми, которые, имея сложную цель, действуют в физическом или цифровом мире, интерпретируя собранные структурированные или неструктурированные данные. Системы используют полученную информацию при принятии наиболее подходящих и эффективных решений (в соответствии с заранее определенными параметрами) для достижения поставленной цели. Системы ИИ также могут быть разработаны таким образом, чтобы научиться адаптировать свое поведение, анализируя, как их предыдущие действия влияют на окружающую среду» [3, с. 77]. В научной литературе встречаются разные термины ИИ в контексте цифровой криминологии: «ИИ-преступность», «ИИ-киберпреступность», «злонамеренное использование и злоупотребление ИИ» [4, с. 643]. В дальнейшем мы будем оперировать довольно лаконичным и в целом отвечающим сущности явления понятием «ИИ-преступность».

«Технооптимисты» рассматривают ИИ как технологию, освободившую социум от рутинной работы и эффективно используемую в борьбе с преступностью, однако в то же время цифровая трансформация современного общества способствует развитию преступных проявлений, что ярко иллюстрируется на примере постепенного сокращения рабочих мест в связи с замещением физического и умственного труда человека цифровыми

технологиями со встроенным алгоритмом работы. Подобная тенденция приводит к массовой безработице, которая, в свою очередь, видится одной из существенных детерминант преступности. Внедрение ИИ к тому же может создать риск нового типа неравенства — цифрового, в настоящее время активно исследуемого социальными философами и криминологами. Я.И. Гиллинский, отмечает, что «дальнейший рост социально-экономического неравенства в условиях “роботизации” и искусственного интеллекта (ИИ) грозит последующим ростом негативных девиаций, особенно ретретистской направленности (алкоголизация, наркотизм, суицид)» [5, с. 187].

Криминологи и специалисты в области IT-технологий подчеркивают, что ИИ способствует росту и усложнению цифровых преступлений (к примеру, кибератаки на государственные структуры), создавая тем самым новые возможности для криминальных элементов. В условиях стремительной трансформации цифрового общества и технологий возникают сложности в достаточно объективном прогнозировании и профилактике киберпреступлений, усилении практики уголовного правосудия в этой сфере. Появляются новые уязвимости, связанные со злоупотреблением в использовании технологий даже при применении законной системы обнаружения и предотвращения преступлений [4, с. 643].

«ИИ-преступность» принято разделять на три области:

1) использование ИИ для совершения киберпреступлений в сети Интернет;

2) применение ИИ через новые каналы киберпреступности с выходом в физическое пространство;

3) использование ИИ или знаний об ИИ для атаки на другие системы искусственного интеллекта путем искажения данных или алгоритмов [4, с. 643].

Эти области имеют тесную взаимосвязь. Еще большая связь между ИИ и преступностью прослеживается при классификации термина «ИИ-преступность» на три категории:

1) преступления с применением ИИ;

2) преступления по отношению к ИИ;

3) преступления, совершенные самим ИИ.

Первую категорию ИИ-преступности принято определять как «злонамеренное преступное использование ИИ путем внедрения новых угроз или изменения внутренних характеристик, уже существующих» (например, шантаж людей с помощью сервиса «DeepFake», о котором будет подробно сказано ниже). Вторая категория ИИ-преступности включает атаки, направленные на «обман или “обход” системы ИИ, использующие уязвимости системы и проводящие обратный инжиниринг». В качестве примера можно привести взлом устройств, защищенных системой распознавания лиц. Третья категория ИИ-преступности поднимает вопрос о его применении в качестве «криминального пособника». Ярким примером является дело

о группе художников, опубликовавших в даркнете ИИ для совершения различных покупок, в результате чего робот начал покупать наркотические средства и даже подвергся аресту [4, с. 643–644].

Вполне обоснованные опасения среди криминологов вызывает такое свойство ИИ, как его самодетерминированность или автономность. Это означает, что разработчики системы не способны достаточно точно спрогнозировать ее дальнейшие вербальные и невербальные действия. Так, скандално известная система «Тай» способна воспроизводить речи собеседников и отличается ввиду этого многочисленными противоправными и неэтичными высказываниями [2, с. 203]. Данная ситуация иллюстрирует, как из ИИ, изначально не предназначенного для противоправной деятельности, можно сделать «преступника». В этом случае резонно было бы призвать к ответственности лицо, которое научило систему подобному поведению, если, конечно, оно это сделало с умыслом. Однако большинство специалистов считает, что пользователи «обучают» систему противоправным действиям непреднамеренно. В любом случае данный вопрос оставляет открытым дискурс о том, кто должен понести ответственность за действия и высказывания ИИ.

Ответ на вопрос об уголовной ответственности разработчика либо пользователя ИИ остается неоднозначным, поскольку в действительности данные лица не всегда способны спрогнозировать поведение такой системы. Если в случае с дееспособным человеком, которому вполне очевидны последствия нажатия на спусковой крючок огнестрельного оружия, всё понятно, то с прояснением умысла преступника, использующего ИИ, не все так просто. Эта проблема касается не только правоведов, но и философов, заставляя их по-новому взглянуть на извечные вопросы о свободе воли и ответственности. Если на начальном этапе развития искусственные машины позволяют себе «решать», что им говорить и что делать, а разработчики и пользователи, совершив посредством ИИ даже самое злостное деяние, всегда могут избежать ответственности перед обществом, сказав, что «в этом случае виновата машина, а не я», то это приводит довольно к пессимистичному прогнозу дальнейшего развития социума.

Преступниками активно используются возможности ИИ для реализации мошеннических схем. Крупные интернет-компании с давних пор абсолютно в легальных целях повышали эффективность своей маркетинговой деятельности с учетом предпочтений пользователей. Эту способность позаимствовали и мошенники. Так, посредством ИИ злоумышленники, отталкиваясь от активности потенциальных жертв в социальных сетях и другой находящейся в открытом доступе информации, генерируют психологические особенности человека, манипулируя которыми успешно организуют массовые рассылки с целью получения денежных средств обманом. Учитывая возможность психоэмоционального воздействия на жертву посредством ИИ, вышеупомянутый эксцесс с системой «Тай» может

неоднократно воплощаться в реальность путем умышленного создания преступником подобного бота в целях оскорбления, склонения к самоубийству или совершения других противоправных деяний [2, с. 205].

Еще одной криминальной сферой с активным применением систем ИИ является эксплуатация автономных наземных либо летательных транспортных средств, которые могут использоваться в целях вмешательства в частную жизнь, совершения насильственных преступлений и/или нелегального оборота оружия и наркотиков. Особые опасения вызывают беспилотные средства для совершения террористических актов. Известны случаи активного применения автомобилей в террористических целях. В качестве примера можно привести атаку водителя-смертника для совершения массовых убийств. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что «коммерческие грузовики и легковые автомобили всё чаще используются террористами в Европе в качестве оружия для нападения на толпы пешеходов» [2, с. 206].

Вполне закономерен факт, что для планирования и совершения таких общественно опасных деяний с привлечением ИИ требуется наличие достаточных технических и финансовых ресурсов. Следовательно, это может себе позволить не каждый рядовой преступник, а прилично оснащенная и финансируемая террористическая организация. Однако, с другой стороны, ИИ позволяет подобным организациям значительно сэкономить в плане затрат времени и ресурсов на подготовку и даже снизить риск провала операции и быть пойманными, ведь им даже не потребуется наличие водителя — за него всё сделают лишённые сознания и свободы воли машины, которые точно не «передумают» совершить преступление подобных масштабов, руководствуясь религиозными и гуманными принципами. Преступными организациями также активно используются дроны в целях контрабанды, слежки, шантажа, поиска объектов для совершения ограблений. Нередко применяются дроны в преступных целях наркокартелями, сбывающими свой товар в другие страны посредством эксплуатации беспилотников со встроенным GPS, позволяющих сэкономить на услугах курьера и оператора. Существуют прецеденты с дронами со взрывчатым веществом при покушении на официальных лиц [6, с. 756–757].

Но особо опасной функцией ИИ, способной нанести серьезный ущерб как личной жизни и карьере отдельного человека, так и информационной и национальной безопасности целых государств, является использование сервиса «DeepFake», посредством которого возможно видоизменить оригинал изображения либо аудио/видеозаписи на желаемый результат. Основная проблема его применения заключается в том, что данный сервис зародился относительно недавно, а потому во многих государствах отсутствует уголовно-правовое регулирование этой сферы, что представляет собой существенный правовой пробел. Сервис «DeepFake» используется злоумышленниками в различных сферах: начиная от создания фальшивого

порнографического видеоролика с лицом известной медийной личности, в реальности никогда не занимавшейся подобным «ремеслом», и заканчивая выступлениями известных политиков, с искажением смысла в действительности произнесенных ими речей либо принятых решений [2, с. 207–208]. Конечно, подобные махинации выступают в качестве различных форм консциентальной агрессии (от лат. *conscientia* — сознание), под которой в социальной философии принято понимать применяемые в эпоху информационных войн приемы и методы деструктивного воздействия на массовое сознание [7, с. 319–320]. Такая тенденция свидетельствует о появлении в недалеком будущем нового витка общественно опасных деяний и наказаний за их совершение.

Использование ИИ в криминальном мире создает серьезную угрозу для сохранения конфиденциальной информации. И.Р. Бегишев отметил в своем исследовании, что «согласно данным аналитического центра компании InfoWatch — крупнейшего российского производителя решений для защиты организаций от внутренних и внешних угроз, а также от информационных атак, в первом полугодии 2017 г. было зарегистрировано более 920 инцидентов, связанных с утечкой конфиденциальной информации из организаций различных форм собственности. Данные об инцидентах включают все утечки во всех зарубежных странах, сведения о которых опубликованы в средствах массовой информации, блогосфере, социальных сетях и на иных сетевых ресурсах» [1, с. 772].

У всего мирового сообщества вызывает обеспокоенность возможность применения ИИ в преступных целях. В 2017-м году на крупной конференции по вопросам использования ИИ криминальными структурами, на основе данных ведущих университетов, ФБР, Интерпола и правоохранительных органов различных стран, в целом было констатировано отсутствие криминальной активности в сфере ИИ [1, с. 772]. Однако, по мнению профессора В.С. Овчинского — одного из авторитетных мировых исследователей в области цифровой криминологии, несмотря на отсутствие сведений, потенциальные риски все же существуют: «У киберкриминала есть, из чего выбрать для создания собственных мощных платформ ИИ. Практически все разработки ИИ с открытым исходным кодом представляют собой контейнеры. Контейнер — это платформа, на которой при помощи API могут монтироваться любые сторонние программы, сервисы, базы данных и т.п. Если раньше каждый при создании собственной программы или сервиса должен был от начала до конца первоначально разработать алгоритмы, а затем, пользуясь тем или иным языком программирования, перевести их в код, то сегодня возможно создавать продукты и сервисы так же, как строители строят дом — из стандартных, доставленных на стройплощадку деталей» [1, с. 772]. Следовательно, «прозрачность» работы над алгоритмами ИИ и открытого кода дает возможность злоумышленникам получать доступ к инновациям ведущих компаний без каких-либо особых затрат.

В.С. Овчинский в своих трудах ссылаясь на Марка Гудмана и американских футурологов, демонстрирующих «темную сторону» глубин цифровых технологий, используемых в преступных целях. М. Гудман неоднократно подчеркивал активную эволюцию преступности в сфере цифровых технологий, в число которых входит ИИ, и утверждал, что за этими тенденциями весьма трудно поспеть сотрудникам правоохранительных систем различных стран в силу финансовых и технических ограничений. Профессор В.Н. Фадеев сформировал «фундаментальную криминологию», ключевым критерием которой стало «изменение масштабов и форм преступности, не вписывающихся в традиционное уголовно-правовое поле. Глобализационные процессы общества, глобализация преступности, стремительно развивающиеся технологии определили целесообразность разработки основ новой криминологии, соответствующей угрозам криминального мира в его новых и более опасных проявлениях» [8, с. 536].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что определенные свойства ИИ детерминируют его как средство для совершения противоправных деяний. Среди этих свойств были выделены:

- способность ИИ посредством общедоступной информации получать данные о конкретной личности (к примеру, о ее физиологических и психоэмоциональных особенностях);

- способность ИИ на основе полученных данных о потенциальной жертве сгенерировать вероятностные пути установления доверительных отношений между ней и преступником;

- способность совершать действия, не «заданные» изначально человеком, в каком-то смысле обладая собственной «свободой воли»;

- способность к созданию искажающих действительность изображений, аудио/видеозаписей, с деструктивным оказанием воздействия на массовое сознание;

- способность управлять системами, направленными на совершение особо опасных деяний.

Российские исследователи (И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова) выделяют прямой и косвенный криминогенный риск в процессе эксплуатации ИИ. Прямой криминогенный риск связан с непосредственным противоправным воздействием ИИ на общество и личность. Это умышленное совершение системой общественно опасного посягательства на мир и безопасность человечества; жизнь и здоровье человека; свободу, честь и достоинство личности и т.д. Косвенный риск связан с непреднамеренными опасностями в контексте применения ИИ. К ним относятся как допущенные разработчиком системы случайные ошибки в программном обеспечении, так и ошибки, совершенные самим ИИ в процессе работы [1, с. 773].

Но стоит ли криминологам рассматривать ИИ с категорически негативной точки зрения? На самом деле не только криминальный мир использует преимущества информационно-коммуникационных технологий.

ИИ как эффективное средство применяется и правоохранительными органами в целях предупреждения и профилактики преступлений (к примеру, выявления мошеннических операций на финансовых рынках). Теоретические и практические аспекты использования ИИ в предупреждении преступности подробно освещаются многими учеными. Большой вклад в эту область внесли вышеупомянутый В.С. Овчинский и Е.С. Ларина. Данные исследователи привели сведения международных организаций, свидетельствующие о широком применении ИИ в правоохранительной деятельности [6, с. 759].

Рассмотрим несколько конкретных систем ИИ, а также цели и результаты их практического применения.

«А. Использование ИИ как средства противодействия преступности:

1) аналитические средства i2. Цель: получение быстрого доступа к информации о скрытых связях между людьми, транспортными средствами и т.д. Результат: с 2007 по 2011 г. полиции одного из штатов удалось снизить количество совершаемых преступлений на 50%;

2) программа распознавания по фрагментам татуировок. Цель: использование вариантной графической базы в качестве фильтра при автоматическом распознавании образов в потоковом видео, поступающем с городских камер видеонаблюдения. Результат: задержание 17-ти находящихся в розыске лиц;

3) программа распознавания по фотографиям и потоковому видео людей, осуществивших пластические операции, и выдачи вариантов их первоначальной внешности. Цель: выявление находящихся в розыске лиц, изменивших внешность. Результат: успешное распознавание программой по фотоизображениям фактов пластической операции в 97% случаев, в потоковом видео — в 90%, в более чем 80% случаев успешного распознавания позволяла восстановить первоначальную внешность;

4) платформа контекстного интеллекта “Nigel”. Цель: контекстное распознавание ситуации (например, похищение ребенка). Результат: экспертные советы правоохранителям, привязанные к уникальной конкретной обстановке;

5) система “Mayhem”. Цель: распознавание индивидуального почерка хакеров и хакерских группировок, обнаружение атак, активное тестирование и преследование хакеров вплоть до установления их местонахождения. Результат: на конференции по кибербезопасности система успешно распознала четырех хакеров из пяти» [6, с. 758–759].

Б. Применение ИИ как средства прогнозирования преступности:

1) программа «COMPAS». Используется во многих американских судах, делает рекомендации, какую меру пресечения следует применить к подозреваемому либо обвиняемому, а также при решении вопросов об условно-досрочном освобождении. Рекомендации данной системы часто приносили практическую пользу, однако В.С. Овчинский и Е.С. Ларина указали на серьезную проблему этического характера, связанную с применением программы.

При решении процессуальных вопросов система «дискриминационно» относилась к лицам в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе, что нарушало основополагающий правовой принцип «равенства всех перед Законом» и способствовало усугублению существующих в обществе форм неравенства. В результате программа была на время приостановлена [3, с. 81; 6, с. 760–761];

2) «система прогнозной психометрики преступного сообщества. Создана в целях моделирования профилей преступников и прогнозирования динамики их психического состояния;

3) аналитический программный комплекс “CEG”. Используется в целях прогнозирования риска увеличения роста преступности в конкретном городе и в пределах определенного квартала. Параметры устанавливаются в зависимости от данных, полученных с камер видеонаблюдения либо социальных сетей;

4) система прогнозирования преступлений “PredPol”. Система оснащает полицейские патрули электронными картами с мигающими красными квадратами, обозначающими места возможной противоправной активности. Результаты применения доказали, что система предугадывает в два раза больше мест преступлений, чем позволяют иные не менее эффективные методики» [6, с. 760];

5) программные продукты “Palantir Technologies”. Помогают накопить данные о передвижениях, телефонных переговорах, записей систем видеонаблюдения, информации в СМИ и социальных сетях, сопровождающих преступления преимущественно террористического характера. Программы доказали свою эффективность в розыске педофилов, раскрытии подготовки терактов и т.д.;

б) система «Искусственный интеллект». Позволяет использовать инфокрасные датчики с целью установления нарушений на государственных границах и создания специальной базы данных для прогнозирования возможных нарушений подобного рода в дальнейшем [6, с. 760];

В. Использование ИИ как средства предупреждения преступности: программа по созданию системы социального кредита. Система предоставляет возможность «отслеживать и оценивать в режиме реального времени каждого жителя Китая. Рейтинг доверия физических лиц привязывается к социальному паспорту. Обладатели высокого рейтинга пользуются различными социальными и экономическими льготами, обладатели низкого рейтинга подпадают под административные санкции и ограничения. Жителям дается стартовый рейтинг в 1 тыс. баллов и в дальнейшем варьируется в зависимости от их поведения. Существует система доносов, позволяющая повысить свой рейтинг» [6, с. 762]. С другой стороны, использование подобной системы может создать социальную напряженность и угрозу для основополагающих конституционных прав.

Анализ применения ИИ в противодействии, прогнозировании и предупреждении преступности вызывает необходимость внедрения

соответствующих практик, их совершенствования и определения дальнейшего вектора развития на территории Республики Беларусь. В этих целях следует:

- признать внедрение и совершенствование использования ИИ в качестве эффективного средства в противодействии, прогнозировании и предупреждении преступности одной из приоритетных задач государства;
- адаптировать законодательную базу в указанной сфере;
- заимствовать опыт по эксплуатации ИИ в области профилактики преступности, созданию баз данных, формированию штата специалистов и повышению квалификации в этой сфере, а также обеспечить постепенное внедрение в деятельность белорусских правоохранительных органов;
- объединять усилия государства и образовательных учреждений в стимулировании создания собственных отечественных разработок в IT-сфере, направленных на прогнозирование и предупреждение преступности;
- совершенствовать профилактику виктимного поведения в информационном пространстве;
- организовывать философским и юридическим факультетам встречи, семинары, конференции, на которых должны обсуждаться морально-этические и правовые аспекты внедрения и использования ИИ в борьбе с преступностью;
- включить дисциплины «Цифровая криминология» и «Цифровая криминалистика» в учебные программы уголовно-правовой специализации.

Таким образом, приведенные примеры успешной реализации потенциала ИИ в правоохранительной и судебной практике демонстрируют данную технологию с положительной стороны и побуждают принимать конкретные меры по ее дальнейшему развитию. Тем не менее описанные возможности ИИ не разрешают в полной мере дискурсы морально-этического и правового характера, касающиеся его эксплуатации.

На основании проведенного исследования нами была выявлена сущность понятия ИИ, прослежена его связь с преступностью, раскрыты как положительные стороны системы, выступающей в качестве эффективного средства борьбы с преступностью, так и отрицательные, описывающие его как технологию, способствующую детерминации и усложнению преступности как негативного явления социума. Философская рефлексия позволила глубже взглянуть на угрозы, возникающие при воздействии ИИ на такие общественные ценности, как мораль, этика, труд, свобода и ответственность.

В научной среде только усиливается актуальность дискурса, касающегося того, чьей силе в действительности служит ИИ: закона либо криминала? Поставленный вопрос будет решен в пользу принятия законодательных актов только в том случае, если мировое сообщество, каждое государство, общество и личность консолидируют все свои усилия для того, чтобы искусственный разум использовался максимально осмысленно и сбалансировано, служа человечеству во благо, а не во вред.

Список использованных источников:

1. Бегишев, И.Р. Криминологические риски применения искусственного интеллекта / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 6. — С. 767–775.
2. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / А.А. Васильев, Ш. Дариуш, Я. Стоилов [и др.]; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. — 432 с.
3. Бадмаева, М.Х. К вопросу о необходимости социально-философского анализа проблем искусственного интеллекта / М.Х. Бадмаева, М.В. Золхоева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2023. — № 2. — С. 76–85.
4. Спайропулос, Ф. Новые подходы к исследованию ИИ-преступности: конституирование цифровой криминологии / Ф. Спайропулос // Журнал цифровых технологий и права. — 2024. — № 3(2). — С. 636–656.
5. Гишинский, Я.И. Девиантность в цифровом мире / Я.И. Гишинский // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — 2018. — № 4(34). — С. 182–190.
6. Суходолов, А.П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 6. — С. 753–766.
7. Философия: учеб. пособие / И.В. Бусько [и др.]; под ред. О.А. Романова, Ч.С. Кирвеля. — Мн.: РИВШ, 2024. — 644 с.
8. Судакова, Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций / Т.М. Судакова, В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 4. — С. 531–540.

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.А. Барышев

С января 2026 года в Республике Беларусь начал действовать Кодекс гражданского судопроизводства [1], тем самым в белорусской правовой системе закончилось процессуальное «двоевластие», когда гражданские правоотношения регулировались Гражданским процессуальным кодексом, а к экономическим отношениям применялись нормы Хозяйственного процессуального кодекса. Объединение судебных систем в единую систему под главенством Верховного Суда произошло еще в 2014 году, а на объединение кодексов потребовалось двенадцать лет. С началом действия Кодекса гражданского судопроизводства система гражданского права Республики Беларусь приобрела характер единства и логической завершенности.

Цель работы — рассмотреть, как решаются вопросы международного гражданского процесса: определения международной подсудности, оказания правовой помощи и исполнения решений иностранных судов в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Материалом